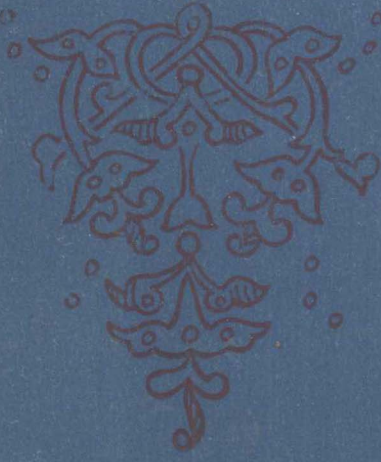

Н. С. Зарицкий

**Ф О Р М Ы
И ФУНКЦИИ
ВОЗВРАТНЫХ
ГЛАГОЛОВ**

**НА МАТЕРИАЛЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ЯЗЫКА**

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Кафедра русского языка

Н. С. ЗАРИЦКИЙ

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ

(на материале древнерусского языка)

ИЗДАТЕЛЬСТВО КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1961

В работе прослеживаются особенности различных глагольных образований на -ся. Материал древнерусского языка дает основание выделять из возвратных глаголов собственно-возвратные, взаимно-возвратные, общевозвратные (группы А и Б); глаголы, выступающие в функции страдательного залога; глаголы безличные; глаголы, соотносительные с непереходными невозвратными.

В работе проведено наблюдение за семантическими особенностями указанных групп глаголов, а также устанавливаются их основные синтаксические функции. В различных местах работы проводится сопоставление с фактами современного русского языка и делаются выводы о поступательном развитии языковых явлений.

Работа рассчитана на специалистов-филологов. Может быть использована при проведении спецкурсов и спецсеминаров по глаголу.

Ответственный редактор

доц. Т. П. МАЛИНА

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на необходимость более широкого изучения исторического аспекта развития русского языка.

При этом изучение минувших периодов развития языка не было самоцелью, а рассматривалось как одно из средств познания законов перехода языка из одного состояния в другое, более совершенное; как средство осмыслить сущность языка — хранителя и выразителя духовного и культурного богатства народа.

Особенно активное изучение истории русского языка началось после дискуссии 1950 года. Однако до сих пор в этой области русистики имеются существенные пробелы. «История развития русского грамматического строя с XI по XVIII век остается во многом очень неясной. Она еще не изучена даже в главных своих закономерностях»¹. Об этом же недостатке говорилось в докладах советских русистов на III Международном съезде славистов².

Немало сделано, в ряду разработки других проблем, и по дальнейшему изучению глагола — наиболее емкой и обширной части речи. Однако, как отмечает В. В. Виноградов, в системе категории и форм русского глагола остается «особенно много неясного»³.

Так, в силу недостаточной исследованности, не может считаться решенным вопрос о принципах грамматикализации глагольных приставок в сочетании с глагольными основами, внимательного рассмотрения требует проблема аналитических форм глагольного наклонения. Ожидают решения также многие

¹ Журн. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 1—6 (редакционная статья).

² См. В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последние 10 лет в СССР, М., 1955; В. И. Борковский, Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы), М., 1955.

³ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка..., стр. 9.

вопросы, касающиеся отношений вида и залога, вида и времени, а также ряд других сторон морфологической, синтаксической и семантической характеристики глагола как части речи и конструктивного центра предложения.

Но особенно много неясного содержится в понимании категории залога. Во всех работах, касающихся этой категории, отмечается особая сложность вопроса, имеющая своей причиной объективно существующие структурные особенности залоговых противопоставлений. Следует отметить, что уровень грамматических исследований в настоящее время еще не обеспечивает единого понимания внутренней сущности категории залога, отсутствует общепризнанная научно обоснованная теория этой категории¹.

В литературе указывается на необходимость дальнейших исследований залоговых вариаций глагола и их значения в историческом плане.

«Залоговые отношения в современном русском глаголе очень сложны и непонятны, если их рассматривать только со стороны соотношений современного языка»².

В числе других неясностей, отмеченных в обнимаемом термином «залог» понятии (шаткость и разнообразие понимания самой сущности залога, слабость анализа грамматических и семантических явлений в глаголе, относящихся к залогу), в литературе указывается на отсутствие разработки тех сторон учения о залоге, которые связаны с возвратными глаголами.

Так, например, отсутствует «внутреннее единство в критериях разграничения так называемых залоговых форм и типов», где «вопрос о залоговых функциях возвратных глаголов постоянно смешивается с вопросом о словообразовательных значениях морфемы *-ся*»³.

В этой связи перед исследователями возвратных форм глагола стоит задача, во-первых, показать, что *-ся* ограничивает круг объектных определений глагола, замыкает действие в сфере самого субъекта и его интересов, и особенно, во-вторых, «описать те грамматико-синтаксические «каналы», по каким двигаются и сочетаются, объединяются разные «залоговые» значения «возвратного глагола», соотносительно со смысловой структурой основного, невозвратного глагола»⁴.

¹ См. об этом в работах: В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка..., стр. 20; М. М. Гухман, Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы форм страдательного залога, М., 1954, стр. 28, 639, (докт. диссерт.); Б. Н. Головин, О взаимосвязи категории вида и залога в современном русском языке, Ученые записки Вологодского пединститута, т. XII, филологич. науки, 1953, стр. 376.

² С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 59.

³ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка..., стр. 20.

⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 649.

В последнее время в этом отношении сделан значительный шаг вперед. Появился ряд работ, в которых на материале современного языка проводится анализ возвратных глаголов¹.

К сожалению, исторический аспект обсуждаемой проблемы подвергнут исследованию крайне недостаточно. Так, из специальных работ исторического плана имеется лишь одна, выполненная на материале языка XVIII в.² Ряд других работ лишь касаются возвратных глаголов при характеристике категории залога на материале литературного языка не ранее XV в.³

Поэтому до сих пор остается в силе положение о том, что «...история возвратных форм и их функций... нам вовсе не известна»⁴. А между тем глагольные образования на -ся составляют значительную часть глагольной лексики и, следовательно, играют весомую роль в системе языка. Неисследованность этих образований в историческом плане приводит к субъективизму в различных построениях, касающихся как грамматики (в частности, залога), так и семантической системы русского языка.

Особенно важным является исследование форм и функций возвратных глаголов языка старшего периода, так как тогда, с началом возникновения письменности, закладывались основы древнерусского литературного языка на основе живой деловой и поэтической речи восточных славян с участием книжно-славянских речевых элементов.

Историческое своеобразие древнерусского литературного языка старшего периода накладывает отпечаток и на современный русский литературный язык. Поэтому, если следовать принципам материалистической диалектики, т. е. рассматривать каждое явление с точки зрения того, как оно возникло, какие этапы в своем развитии оно проходило, и тогда оценивать, чем

¹ Например, А. М. Дмитриева, К вопросу о возвратно-среднем залоге в современном русском языке, М., 1955 (канд. диссерт.); А. В. Знаменская, Словообразовательное значение суффикса -ся в современном русском языке, Л., 1954 (канд. диссерт.); Л. В. Цаллагова, Возвратные глаголы в современном русском языке, их значение и синтаксические связи, способы их выражения в осетинском, Тбилиси, 1954 (канд. диссерт.); Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы со значением внутреннего переживания, Ученые записки МГПИ, т. I, кафедра русского языка, в. 5, 1956.

² Е. Ф. Широкоград, Глагольные образования на -ся в литературном языке середины XVIII века, Харьков, 1958 (канд. диссерт.).

³ См. С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952; Б. Н. Кипарисов, Категория залога в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, Ученые записки Башкирского университета, в. 6, серия филолог. наук, № 5, Язык и литература, 1958; М. В. Ионина, Категория вида и залога в русском литературном языке начала XVIII в., Л., 1955 (канд. диссерт.); О. Н. Ларина, Глагольные формы в московских памятниках делового письма XV в., М., 1953 (канд. диссерт.).

⁴ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, Известия АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 7.

данный факт является теперь, то нужно признать необходимость и важность такого исследования.

Обращение к старшему периоду важно еще и потому, что «система русского глагола в ее историческом развитии — от общеславянских форм и соотношений к современным русским — между прочим и на протяжении XI—XVII в. (подчеркнуто мной. — Н. З.) — еще не изучена во всех деталях даже применительно к литературному языку»¹.

На IV съезде славистов указывалось, как на одну из неотложных современных задач историков русского языка, «на необходимость исследования закономерностей развития книжно-славянского типа древнерусского языка XI—XVII веков»².

То положение, что вузовская и школьная практика сейчас еще не имеет научно обоснованной теории залога и, в частности, относительно возвратных глаголов, — наносит немалый ущерб познанию богатства и выразительных средств русского языка. Исторический аспект изучения дает ключ к созданию такой теории, поскольку «именно в истории русского языка должны содержаться ключи с разгадкой самых разнообразных вопросов по русскому языку»³.

Наконец, изучение фактов языка (XI—XIV вв.) важно еще и потому, что язык этого периода является общевосточнославянским, в его лаборатории формировались черты не только русского, но также и украинского и белорусского языков. Поэтому выводы из наблюдений над языком древнерусским XI—XIV вв. одинаково важны для всех трех этих языков.

Таким образом, рассматриваемая в данной книге тема — анализ форм и функций возвратных глаголов на материале древнерусского языка — продиктована настоятельной потребностью современного языкознания и поэтому является актуальной.

Общей целью данной работы является установить факты грамматического порядка в их соотношении с лексическими величинами, а именно, выяснить, во-первых, как образовывались формы на *-ся*; во-вторых, — что эти формы выражали; в-третьих, — как они употреблялись.

* * *

Материалом для исследования служили памятники древнерусской письменности XI—XIV вв.⁴. Примеры из них извлека-

¹ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка..., стр. 70.

² В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, АН СССР, М., 1958, стр. 65.

³ С. П. Обнорский, Разработка русского языка за 25 лет. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. III, в. I, стр. 23.

⁴ Список использованных памятников и словарей приведен в конце работы.

лись путем сплошной выписки и уточнялись по историческим словарям. Лексическая характеристика глагольных образований на -ся проводилась на основе контекста исследуемых памятников, а также с учетом показаний исторических, этимологических словарей и словарей современного языка.

Подобным образом проводился и грамматический анализ описываемых форм. При этом учитывались существующие различные точки зрения на затрагиваемые в работе вопросы.

Письменность XI—XIV вв. содержит богатый материал. «Русских памятников X—XIV веков... довольно для того, чтобы правильно судить о языке русском этого времени»¹.

Особенно ценными как по обилию материала, так и по качеству его являются древнерусские летописи, в частности Новгородская Первая летопись по Синодальному списку — самый древний летописный список². Огромное значение имеет также один из древнейших памятников — Повесть временных лет, «не только произведение русской исторической мысли, но и русской исторической поэзии»³. Не менее ценными являются также Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку и Ипатьевская летопись. Кроме летописного жанра, в работе исследуется и жанр документально-деловых памятников (Русская Правда, Новгородские и Псковские грамоты), а также жанр художественно-поэтический (Слово о полку Игореве, Слово Даниила Заточника).

Все указанные памятники отражают именно период XI—XIV вв.⁴. Рассмотренные памятники представляют ценность для исследователя русского языка главным образом потому, что в этих произведениях письменности, посвященных русской действительности, сказалось сильное влияние устной, прямой речи. Прямая речь в летописях исторична и документальна, она в большой степени отражает посольские, вечевые, судопроизводственные, воинские и т. п. речи⁵. Широко известна связь художественно-поэтического и документально-делового жанра с живой речью.

¹ И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, СПб., 1850, стр. 30.

² См. П. Лавровский, О языке северных русских летописей, СПб., 1852.

³ Д. С. Лихачев, Повесть временных лет (историко-литературный очерк), изд. АН СССР, т. II, М.—Л., 1950, стр. 29.

⁴ Относительно Ипатьевского списка имеются мнения о его принадлежности к XV веку, напр. М. Колосов, Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие, Варшава, 1872, стр. 162. По мнению А. А. Шахматова, эта летопись XIV века. См. Полное собрание русских летописей, изд. Археографической комиссии, I т. II (предисловие), стр. IV, VII.

⁵ См. Д. С. Лихачев, Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» (в книге «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей под редакцией В. П. Адриановой-Перетц), АН СССР, М., 1950, стр. 55—56.

Таким образом обеспечивается соблюдение выдвинутого и обоснованного А. А. Шахматовым методического принципа, согласно которому при построении всяких научно-лингвистических теорий должны обязательно учитываться факты живого языка ¹.

¹ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка (литогр.), 2 изд., ч. I, СПб., 1910—1911.

СОБСТВЕННО-ВОЗВРАТНЫЙ ПОДЗАЛОГ

На возвратное значение глаголов на *ся* впервые в русской лингвистике указал М. В. Ломоносов. До него такие глаголы рассматривались в пределах страдательного, отложительного и общего залогов¹.

По мнению Ломоносова, «возвратный глагол значит действие и страдание от себя самого на себя ж происходящее»². Образуются эти глаголы при помощи присоединения к действительному глаголу слов *ся* или *сь*. Образованный таким способом глагол *моюсь* означает «сам себя мою»³.

О том, что в возвратном глаголе *ся* обозначает обращенность на самого действующего, говорили Н. И. Греч, А. Х. Востоков.

Объясняя непереходность глагола, получившего частицу *-ся*, И. Давыдов пишет: «Это присоединение местоимения *ся* оставливает действие глагола на местоимении и не позволяет ему переходить на внешние предметы»⁴. Все ученые указывают на способность возвратного глагола выступать также и в роли страдательного.

Ф. И. Буслаев, относя все глаголы на *-ся* к возвратному залогу, в пределах последнего выделяет несколько значений.

Во-первых, собственно-возвратное значение, показывающее «явственное обращение действующего на него самого»⁵. Помимо этого возвратный глагол может употребляться в значении среднего, взаимного и страдательного. Определяющим в данном случае является «смысл, данный этому глаголу в предложении»⁶.

¹ См. грамматики Адельфотес, Лаврентия Зизания, М. Смотрицкого.

² М. В. Ломоносов, Российская грамматика, Сочинения, т. 7, Труды по филологии, 1739—1758, изд. АН СССР, 1952, стр. 482.

³ Там же, стр. 509.

⁴ И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изд. Втор. отд. Имп. АН, СПб., 1854, стр. 318.

⁵ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 350.

⁶ Там же.

Против указанного положения выступал К. С. Аксаков, считая неудовлетворительным объяснение Буслаева. Имея в виду прежде всего морфологическую форму, Аксаков утверждает, что при всех случаях возвратный глагол остается возвратным¹.

Называя метафизической путаницей попытку Аксакова объяснить переход возвратного глагола в средний посредством отвлеченности значения, Н. П. Некрасов указывает на то, что существенное значение частицы *ся* при глаголах состоит в соединении ее с глаголом². Относясь не столько к лицу, сколько к самому действию, *-ся* придает глаголу смысл «самостоятельности действия в проявлении»³.

Ф. Ф. Фортунатов впервые обратил внимание на то, что данные глаголы обозначают «действие, направленное на внешность (тело, части тела) лиц речи, являющихся производителем этих действий, напр. умываться, одеваться, мазаться, защищаться и др.»⁴. Такое значение он называет «прямым возвратным».

Сходную во всем главном, но более детализованную характеристику собственно-возвратных глаголов дает акад. А. А. Шахматов.

Условия выявления собственно-возвратного значения

Итак, издавна принято считать, что первым по времени значением возвратных глаголов, возникавших на базе морфологизации возвратного местоимения *ся* (*си*) и слияния его с глагольной основой в один лексико-грамматический комплекс, было так называемое собственно-возвратное. Глагол, выражая действие, одновременно указывал, что оно адресуется на самое действующее лицо, охватывая последнее в полной мере и производя в нем физически ощутимые перемены, изменяя его внешний вид.

Предположение о первичности этого оттенка значения допустимо, во-первых, ввиду этимологической прозрачности сближения аффикса *-ся* и местоимения *себя*, во-вторых, ввиду простоты лексических взаимоотношений невозвратной и возвратной форм.

Глаголы, относящиеся к собственно-возвратному подзалогу, выражают конкретное, физически определенное действие, которое может быть воспринято органами чувств человека. Глаголы, выражающие эмоции, отражающие духовный мир человека, в возвратной форме первоначально не встречаются в роли

¹ К. С. Аксаков, Критический разбор опыта исторической грамматики русского языка Ф. Буслаева, Соч. филологические, ч. I, М., 1875, стр. 548.

² Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 63.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Ф. Ф. Фортунатов, О залогах русского языка, СПб., 1899, стр. 109.

собственно-возвратного подзалога. Этот факт может служить дополнительным аргументом в пользу того, что данный подзалог является наиболее ранним среди других значений возвратных глаголов.

Именно в сфере собственно-возвратных глаголов, по мнению многих ученых¹, сохраняется древнее значение синтаксического сочетания глагола с винительным падежом возвратного местоимения в энклитической форме.

А. М. Пешковский так говорит об этом: «...нечто общее между формой на *-ся* и словосочетанием *с себя* здесь все же есть, и заключается это не что в том, что в обоих случаях действие, которое обычно направляется с деятеля на другой предмет... здесь направлено обратно на самого деятеля»².

В этом сочетании местоимение обозначало прямой объект, относившийся к переходному глаголу. Лицо, производящее действие, выраженное глаголом, благодаря лексическому значению возвратного местоимения, само оказывалось подвергнутым этому действию. Это древнее значение сочетания глагол + *ся* проявляется в древнерусском языке. Исконное значение винительного падежа местоимения наиболее заметно у тех глаголов, которые выражали физическое (материальное) действие (группа I).

Такие глаголы: *купатися* (въ трехъ рѣкахъ купавѣся недуга избѣ И₁₇); *мазатися* (и по брадѣ мажутся наричюще Бохмита И₃₄); *мытися* (*мывся* богъ в мовници И₆₅); *поливатися* (си бо омывають оходы своя полилавшеся водою И₃₄); *облитися* (и обольются мытелью И₅), *краситися* (*красяшеся* лестью паче вѣнца И₂₅₄); *омытися* (*омыся* святою купелью И₂₇); *отертися* (*отерся* вѣхтемъ И₆₅); *хвостатися* (и возьмутъ вѣники и начнутъ хвостатися И₅).

Приведенные глаголы называют действие, совершаемое над самим действующим лицом, субъектом.

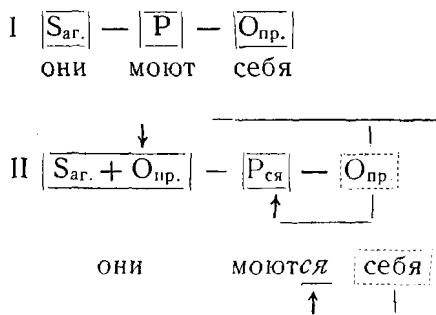
В качестве действителя при глаголах с собственно-возвратным значением может выступать только одушевленное лицо, которое может быть либо названо в предложении, либо быть ясным из фразового словесного окружения (контекста).

Грамматическая ограниченность субъекта-действителя и объекта (*-ся*), первоначально имевшая место в сочетании глагол + *ся*, уже не ощущается. Субъект-действитель и объект

¹ Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, К., 1957, стр. 175; В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, стр. 166 и др.; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 246; С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, стр. 28 и др.; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 476.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 114; см. также М. В. Ломоносов, Труды по филологии, т. 7, изд. АН СССР, стр. 509; А. Х. Востоков, Сокращенная русская грамматика, СПб., 1865, стр. 22.

слиты воедино, представляют один акт мысли, не расчлененный во времени и пространстве. Взаимоотношение между субъектом (S), глаголом-сказуемым (P) и объектом (O) в данном случае можно символически обозначить так:

где: аг.—агенса; пр.—прямой—характеристика генетического значения -ся как винительного падежа возвратного местоимения.

Схема (I) представляет собой взаимоотношения между членами синтаксического сочетания глагола и прямого дополнения. Схема (II) показывает, что прямой объект, перестав быть самим собой, превратился в языке в формант глагола (-ся), а в сознании слился в одно целое с субъектом-действителем. Таким образом, произошло формирование грамматического средства обнаружения грамматического понятия, именно: во-первых, безобъектности первоначально объектного (переходного) глагола; во-вторых, замкнутости действия, ограниченности его сферой самого субъекта; в-третьих, переход действия полностью на субъект действия.

В приведенных возвратных глаголах четко обнаруживается то значение, которое считается отличительным для собственно-возвратного подзалога: действие имеет своим объектом «субъект данного признака»¹, «физическую личность самого субъекта-производителя действия»², «обращается на этот последний, к нему возвращается, направляясь, обыкновенно, на его внешность»³, «переходит на его внешность, на поверхность его тела и т. п.»⁴. При этом вносятся какие-то изменения в телесную, физическую определенность действителя. В таких случаях действие имеет, так сказать, «цельноохватный» характер по отношению к субъекту.

Несколько меньшую степень указанного признака имеют глаголы, указывающие на внешний процесс изменения вида субъек-

¹ В. К. Поржезинский, Возвратная форма глагола в литовском и латышском языках, М., 1903, стр. 18.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 477.

³ В. К. Поржезинский, Возвратная форма глагола..., стр. 18.

⁴ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 477.

та (группа II). Сюда можно отнести глаголы: *изволовичися* (он же ѣха к ним *изволовичься* въ бронѣ подѣ порты И_{177об.}); *облѣчися* (Исакии... *облѣчешя* въ власяницу И₇₁); *оболочися* (Епископъ же вземъ крестъ и *оболокъся* в ризы И₆₇); *прѣоб-разитися* (*преобразися* въ змя... И₃₅); *сѣкрутися* (и поиде князь... и *скрутися* въ брѣне... Н₉₃); *украсоватися* (и милостынею яко гривною *украсуся* И_{304об.}); *обутися* (*обувшешя* в теплы изъбѣ... придѣте же ко мнѣ И_{33об.}); *обѣнажитися* (не отъ всего ли того *обнажихся* И_{244об.}); *сѣвлѣчися* (*сѣвлекутъся* и будутъ назви И₅); *изодѣтися* (отроци свѣдѣлжи *изоодѣлѣся* суть оружьемъ и порты И₂₁); *истричися* (и *истригошася* вси въ образъ чернечьскыи И_{123об.}).

В результате действия, направленного на субъект, происходит изменение его внешнего облика, он принимает иной вид, иные очертания. Чаще всего это касается характеристики убранства (одежда, обувь), украшения и т. д., производимого с целью нарочитого преобразования внешности действующего лица, в порядке подготовки к совершению чего-то («изволовичься в бронѣ» для защиты себя; «облѣчешя въ власяницу» для «подвизания»).

Изменение облика может выступать также как абстрагированный итог конкретных действий субъекта («преобразися въ змя», «милостынею яко гривною украсуся», «не отъ всего ли того обнажихся»). Рассмотренные глаголы указывают на меньшую степень поглощения субъекта действием.

Наконец, часть глаголов рассматриваемого подзалога выражает действие, которое, будучи направлено на сам субъект, все же не производит в нем видимых изменений. Действие как бы останавливается у внешней границы субъекта.

К таким глаголам относятся следующие (группа III): *закрѣватися* (ангели... крылы *закрѣваютъся* Н₁₁₁); *защититися* (...человекъ... *защитився* отчаяниемъ акы твердымъ щитомъ И₂₈₄); *ущититися* (да не *ущитятся* щиты своими И₁₉); *схоронитися* (а инии *схоронишася* Н_{110об.}); *заперетися* (столпъ бо бѣ камень... и бяху в немъ *заперлися* пружи И_{291об.}); *тулитися* (Лвови же убодшему сулицю свою в щитъ его и не могушю ему *тулитися* Левъ уби и И₂₇₇); *заложитися* (а еще стоять *заложивъся лесомъ* И_{149об.}); *огородитися* (Андрѣи же... множествомъ вои *огородився* И₂₀₃). У этих глаголов менее прозрачна истинность связей аффикса -ся с возвратным местоимением, однако существуют мнения о возможности включения таких глаголов в собственно-возвратный подзалог.

«Если имеется в виду значение спрятать, скрыть себя (свое тело) от чужих взоров, то мы должны признать наличие прямого возвратного значения»¹.

Немногие глаголы, хоть и не выражают действие, способное

¹ В. К. Поржезинский, Возвратная форма глаголов..., стр. 38.

производить материальные, видимые изменения в субъекте, все же должны быть включены в состав собственно-возвратных (группа IV), например: *креститися* (не клянится богомъ ни *креститися* М₁₅₉); *перекрѣститися* (онъ же глаголя имѣ... и *перекрѣстися* И_{720б}); *знаменатися* (старецъ *знаменася* крестнымъ знаменемъ И_{100б}).

У этих глаголов первичное, исходное значение связано с прямой возвратностью глагольного действия на субъект. «Креститися» — первоначально означало «налагать знак креста на себя». Подобное же значение и у глагола «знаменатися». Возвратное значение этих глаголов связано с религиозным представлением о чудодейственной силе крестного знамения, способного произвести известные изменения в субъекте, защитить, закрыть его от нежелательного влияния и т. д. К этим глаголам примыкает и глагол «ис-по-стричися» в его втором, абстрагированном значении — «принять монашеский образ, стать монахом».

К собственно-возвратным иногда относят также возвратные глаголы с лексическим значением «зваться» (группа V). Материал древнерусского языка показывает, что имеются известные основания для этого.

В эту группу входят такие глаголы: *зватися* (яко се друзии *зовуться* сѣе И_{8б}); *прозватися* (ови пришедше и седоша на Вислѣ и *прозвашася* ляховѣ И₄); *именоватися*. Древнерусский текст дает только пример: како *именуеться* место се И₂₈₁. В словаре Срезневского приводится пример на собственно-возвратное значение этого глагола в старославянском языке: И се *сам ся именуетъ* С, т. I, стр. 1094; *наречися* (*нарицатися*) (но (мы) словом нарѣчающеся крестьяни а поганьскы живуще И₆₃; тако же и тѣ же словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и *наркошася* поляне И₄).

В данных примерах процесс наименования производится субъектом, в результате чего сам субъект получает имя, дает себе имя.

Особого внимания заслуживают случаи, когда глагол с аффиксом -ся сопровождается определительным местоимением *сам*. Примеры: *причинитися* (да пристрой церковь и крилось и *сам причинися* в святительскыя ризы... И₄₁); *управитися* (аť *управятся* сами по своему суду П₁₃₃). Глагол *причинися*, сочетаясь с дополнением *в ризы*, благодаря этому вступает в синонимический ряд с глаголом *одеться*, являющимся собственно-возвратным. Для глагола же *управитися* определяющим при выявлении его подзалога является наличие местоимения *сами*.

Подобное явление встречается в старославянской письменности, причем значительно чаще, нежели в древнерусской. Например: кгда бѣ юнѣ *поясашеся самѣ* ОЕ_{530б}. Наличие этого местоимения делает возможным отнести к собственно-возвратным и те глаголы, которые не обозначают физически определенных действий, а показывают, что в субъекте изменяются нрав-

ственные, моральные черты, в результате чего он приобретает новое духовное качество. Собственно-возвратность в этом случае подчеркивает, что это изменение происходит по воле субъекта и совершается его собственными усилиями. И зане азь *свящуся самъ* ОЕ₅₂; аще азь *славлюся самъ* слава моя ничтоже есть ОЕ₃₃₀₆; врачу *исцелися сам* ОЕ₂₇₆^{об.}.

Местоимение *сам* в данном случае выступает с выделительной функцией, что способствует подчеркиванию активности субъекта¹, того факта, что именно он, субъект, а не кто иной, совершает действие. Таким образом, язык, столкнувшись с фактом грамматикализации одного лексического средства, использовавшегося ранее для указания на тождество субъекта и прямого объекта, прибегает к использованию для этой же цели другого средства, обращаясь к помощи наличного словесного материала.

В сочетании: «врачу исцелися самъ» местоимение *сам* подчеркивает, что, во-первых, действие совершается по желанию субъекта, во-вторых, его собственными усилиями, в-третьих, действие адресуется субъекту². В этом сочетании трудно усмотреть «грамматическое отграничение субъекта от объекта»³, которое, якобы возникает при сочетании возвратных глаголов с местоимением *сам*. Вряд ли есть основание утверждать, что в сочетании возвратного глагола с определительным местоимением *сам* компонент глагола *ся* является не формантом, а винительным падежом возвратного местоимения⁴. В примерах, приводимых автором (да в твоей государевой грамоте писано, что язъ... *сам ся сказывал* великим — человеком; язъ, деи, Кудеяр, не хотел послать — и *ты, де, ся сам назвал*), очевидно, имеем дело с явлением переходного порядка, когда *-ся* еще недостаточно утвердилось в функции аффикса, вместе с тем перестало быть безоговорным возвратным местоимением. Нельзя также, на наш взгляд, усматривать в *ся* только возвратное местоимение в примере: и возмуть на *ся* прутье младое (и) *бьются* *ся* сами и того *ся* добыють егда слѣзуть ли живи Лб.

Если *-ся* в сочетании «возмуть на *ся* прутье младое» выступает в четкой местоименной функции и равно полной форме этого же местоимения (*себя*), то в сочетании «бьются сами» уже возможна двойственность восприятия *-ся* — и как возвратного местоимения, и как аффикса глагола. В других случаях грамматикализация *-ся* не вызывает сомнения при наличии место-

¹ С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы..., стр. 28.

² Подобное же явление встречается и в других языках индоевропейской семьи, греч. *εαυτον*, готск. *silba*, лат. *met* (М. М. Гухман, О происхождении возвратных конструкций, Язык и мышление, XI, М.—Л., 1948); в немецком — при помощи *selbst*, *persönlich* (В. Д. Девкин, Глаголы с *sich* в современном немецком языке, Ученые записки Калужского ГПИ, вып. 2, обществ. и филолог. науки, 1956).

³ С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы..., стр. 28.

⁴ Там же.

имения *сам*, например: Кондрать же радъ бысть по велику и повелѣ в борзе нарядити лодѣ и *сам ся наряди... изрядивше же ся* и тако поидоша И₂₉₄; *наряжаюся самъ* и людье наряди возитися на Вислѣ И₂₉₃₀₆.

В данном случае *сам* включается в субъект, подчеркивая, что действие, обращенное на субъект, производит он же, имея самого себя объектом. Данное сочетание («славлюся сам» и под.) отличается от тех случаев, когда *сам* при глаголе служит указанием на обособленность лица-деятеля от других лиц (срв. «приближаются сам», т. е. «лично», без чьего-либо сопровождения, по собственному почину, «сражаюся сам» и т. д.; срв. также в украинском языке, где *сам* равно по значению слову «один»), а также когда *сам* служит обозначением произвольности действия («кланяюся сам», т. е. по своей инициативе, желанию, без принуждения)¹. Срв. разновидности этого употребления в древнерусском языке: *я ся самъ боялъ* еще быша и мене яли Л₁₇₉; (где *сам* равно союзу *и*, *тоже*, т. е. «и я боялся»); а *сам* пострижеся на Хутынѣ Н₇₇₀₆. (т. е. «что касается его, то он постригся на Хутыне»). Такое употребление отмечается и в диалектах русского языка: «Я подивуюся сам што за народ стал»².

В приведенных примерах *сам* теряет свою местоименную функцию и приобретает характер частицы, сообщающей глаголу, с которым сочетается, различные оттенки³.

В современном русском языке иногда для подчеркивания собственно-возвратного значения, которое имеет тенденцию утрачиваться в порядке семантического снашивания, прибегают к параллельному употреблению сочетания «глагол+*сам*+*себя*». Например: Советский Союз превратился, вернее превратил *сам себя*, во вторую промышленную державу в мире (Правда, 22.II 1959 г.); (срв.: «необходимо также... постараться подойти closely можно ближе к той древнейшей эпохе, когда он сам (язык.—Н. З.) впервые произнес себя» (из сочинений М. Н. Каткова)).

В древнерусском языке подобные сочетания не употреблялись, что можно объяснить отсутствием необходимости усиливать достаточно ясную этимологически возвратность глагола на *ся*.

Одним из необходимых условий осуществления собственно-возвратного подзалогового значения есть употребление в роли субъекта одушевленного деятеля-лица⁴. Нарушение этого усло-

¹ Об употреблении местоимения *сам* см. А. Б. Шапиро, Труды Института русского языка, т. II, 1950; М. М. Михайлов, Значение и употребление местоимений «самый» и «сам», «Русский язык в школе», 1957, № 2.

² Пример взят из книги А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953, стр. 115.

³ Ср. функцию *сам* в противительных конструкциях в статье Н. Ю. Шведовой в сборнике «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 267, 309.

⁴ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 477.